

Н.И. Рубан, генеральный директор
ГНУК ХКМ им. Н.И. Гродекова,
кандидат исторических наук, доцент

Первый Всероссийский музейный съезд, его влияние на развитие дальневосточных музеев¹.

Первый Всероссийский музейный съезд был созван в Москве 1 декабря 1930 г. в помещении Политехнического музея. В его работе приняли участие 500 делегатов, в том числе 70 представителей краеведческих музеев. Музейных работников от дальневосточного региона представлял на съезде заведующий художественным отделом Хабаровского краевого музея П.М.Покровский, в последствии репрессированный.

Вся работа съезда проходила под лозунгом: «Музеи на службу социалистическому строительству и культурной революции»². Состав съезда очень ярко отражал изменения, происшедшие в кадрах музейных работников в годы советской власти. Незначительная часть присутствующей старой музейной интеллигенции никак не могла повлиять на ход работы съезда и принимаемые им решения. Более половины делегатов с решающим голосом являлись членами партии. 84% его участников начали работу в музеях в советское время и имели стаж работы от одного до двух лет. На съезде присутствовали представители ЦИК СССР, ВСНХ, Красной Армии, Наркомата Труда, здравоохранения, земледелия, торговли³.

В выступлениях многих делегатов съезда подчеркивалась мысль о том, что теперь задача музеев состоит в марксистско-ленинском подходе к построению экспозиций на основе «формулировок, данных классиками марксизма - Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным». Музеям предлагалось полностью перейти на политико-пропагандистскую работу и предписывалось стать проводниками в жизнь важнейших государственных и партийных решений. «Экспозиции музеев, - говорилось в принятых решениях, - должны стать не только наглядными иллюстрациями на вещевом материале важнейших положений основоположников революции и основных директив партии, но и орудием мобилизации широких масс на активное участие в социалистическом строительстве»⁴.

Основное направление работы съезда было сформулировано в письме-приветствии наркома просвещения РСФСР А.С. Бубнова, который призвал его делегатов преодолеть «реакционное рутинерство, уйти от музеев-кунсткамер, поставить музеи на службу социалистическому строительству, превратить их в инструмент культурной революции,

строить экспозиции на основе принципов материалистической диалектики». «Каждый практический шаг к строительству социализма в крае, области, республике, - подчеркивал нарком, - должен немедленно находить свое отражение в музее»⁵.

Большое внимание участники съезда уделили подготовке новых молодых кадров, которые должны придти на смену старым «немарксистским» специалистам музейного дела. В докладах и выступлениях выдвигались новые, кардинально отличающиеся от прежних, методологические основы построения экспозиций, их целенаправленность, идейное содержание и структура, иные приоритеты в отношении объекта музейного показа, роль подлинных памятников в музее⁶.

Решения съезда были результатом политических и идеологических установок ВКП(б) и носили обязательный для всех музеев характер. Последствия многих решений, принятых съездом, были очень тяжелыми и трагичными для музейного дела. Музей стал характеризоваться как своеобразный полит- (или культ-) просветкомбинат, предлагалось даже ликвидировать термин «музей», а для большей доступности вынести музейные собрания на улицу. Музейная экспозиция рассматривалась как основа для массово-просветительной работы, музеям предлагалось немедленно приступить к реэкспозиции и «в предельно сжатые сроки создать новую марксистскую экспозицию»⁷. Это означало ликвидацию созданных ранее научно-экспозиционных отделов музеев, характеризующих те или иные разделы научных исследований, отказ от освещения подлинных исторических событий в прошлом, если они противоречили марксистской модели развития общества. Все приводило к утрате многих коллекций, документов, художественных произведений, подлинных движимых и недвижимых памятников российской истории и культуры.

Создание в короткие сроки новых, обязательных для всех музеев отделов «социалистического строительства», затрудняло комплектование экспозиции подлинными музейными предметами. В ходе реализации решений съезда многие музейные отделы утратили подлинные материалы, экспозиции строились на иллюстративном и текстовом материале. Борьба с «вещевым фетишизмом» вызвала почти полное изгнание музейных предметов из экспозиции и превратила музеи в собрание этикеток и текстов.

Проблематичным было и выполнение решений съезда об организации краеведческих музеев в каждом районном центре. Из-за отсутствия кадров музейных работников, а также музейного материала, такие музеи становились больше культбазами, агитпунктами, насыщенными листовками, плакатами и другой агитационной плоскостной продукцией. Реализация решений съезда привела к параллелизму в деятельности музеев, стиранию граней между профилями и ликвидации ряда музеев⁸.

В целом же решения Первого Всероссийского музейного съезда закрепили процесс перехода музеев в русло пропаганды идеологии административной системы, начало которому было положено в конце 1920-х годов.

В ходе реализации решений съезда в 1930 году при Наркомпросе был упразднен отдел Главнауки, который ранее руководил всей музейной деятельностью. Вместо него был создан сектор науки Наркомпроса, в составе которого осталась лишь музейная группа, основной функцией ее было претворение в жизнь решений 1-го музейного съезда⁹. Теперь основное внимание Наркомпроса уделялось реэкспозиции музеев и переориентации их на политико-просветительную работу¹⁰.

В марте 1931 года Наркомпрос РСФСР разослал обращение «Ко всем музейным учреждениям». В нем были сформулированы основные задачи, стоящие перед музеями, им предписывалось стать «центрами пропаганды социализма, всех мероприятий, проводимых советской властью и партией в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства, промышленности, быта и т.д.»¹¹.

В обращении также указывалось, что построение экспозиции в музеях должно быть направлено на то, чтобы «...дать ясное понимание классовых интересов пролетариата, его революционно-исторической роли в деле освобождения трудящихся от капиталистической эксплуатации и тем самым организовать волю посетителя к революционному действию, пробуждать в нем творческую инициативу активного борца за социализм»¹². Музеям давалась установка, что если в течение столетий искусство служило источником эстетического наслаждения, способствовало формированию личности культурной, творческой, нравственной, то теперь ему отводилась роль «орудия классовой борьбы» с целью «организовать волю посетителя к революционному действию»¹³.

1930-е годы были особенно сложными для деятельности художественных музеев, как центральных, так и местных. В период форсированного решения задач индустриализации и коллективизации сельского хозяйства важнейшими становились новые, связанные с производством, естественно-исторические, историко-революционные музеи, а музеи гуманитарные, искусствоведческие становились невостребованными, второстепенными. «...Мы против того, чтобы наиболее ценные индустриализации историко-революционные и естественно-исторические музеи находились в загоне. Мы против гегемонии художественных музеев», - писала «Красная газета» в ноябре 1930 г.¹⁴

Художественные музеи с момента перестройки их работы потеряли свою актуальность и

ценность. Культурные ценности, накопленные Государственным музейным фондом становились предметами «содействия индустриализации». В связи с подобной тенденцией само существование Государственного музейного фонда и его органов по учету частных коллекций считалось нецелесообразным. Эти функции были переданы крупнейшим музеям, «в целях введения в непосредственный научный обиход музейных ценностей из частных собраний»¹⁵. Хранилища государственного музейного фонда в Москве и Ленинграде были ликвидированы, а коллекции распределены по другим второстепенным музеям. Значительная их часть перешла отделу Антиквариата Наркомвнешторга для экспортных целей¹⁶. Все музеи страны были распределены на три категории: музеи столиц союзных республик, музеи крупных исторических городов, и художественные отделы музеев других городов и территорий.

Музеи Дальнего Востока, в том числе и Хабаровский краевой музей, были отнесены к третьей категории. Начатая еще в конце 20-х годов ликвидация музейного фонда Москвы и Ленинграда была активно продолжена после окончания работы съезда¹⁷. В этой связи летом 1931 г. Хабаровский краевой музей получил 5 вагонов произведений русских и зарубежных мастеров¹⁸. В них вошли экспонаты из Государственного Эрмитажа - 33 предмета из фарфора, 66 предметов античного искусства и др.¹⁹. Из Государственного Русского Музея было получено 92 художественных произведения (картины, рисунки и скульптуры)²⁰, из Третьяковской галереи 107 предметов живописи, 140 рисунков²¹, из музея изящных искусств 91 картина, 109 гравюр, кроме того, были выделены коллекции из Исторического музея, Музея западной живописи в общей сложности 1154 предмета²². По свидетельству направленного для отбора произведений искусства консультанта Далькрайисполкома В.А. Самойлова от 3 мая 1931 г. «Хабаровск получил миллионное достояние..., ...некоторые из картин висели в личных апартаментах Николая-11»²³.

Ликвидация центральных художественных музеев и сохранение некоторых коллекций ликвидируемого Государственного музейного фонда создали возможность в организации и развитии местных музеев, отнесенных к «третьей категории». Благодаря поступлениям коллекций из центра, а также на базе собраний картин дальневосточных художников Хабаровского краевого краеведческого музея был создан в 1931 году Дальневосточный художественный музей. Его директором стал делегат 1-го Всероссийского съезда музейных работников, заведующий художественным отделом Хабаровского краевого музея П.М. Покровский. Музей стал популяризатором произведений не только дальневосточных авторов, но и живописцев, скульпторов, графиков других областей страны, а также шедевров мирового искусства. В отделе западноевропейского искусства находилось 447 предметов

живописи, рисунка, гравюры, скульптуры, бронзы, фарфора и др., начиная с эпохи «разложения феодализма» и заканчивая «предимпериалистической» эпохой. Среди них имелись шедевры мастеров 17-19 вв., представленные почти исключительно в подлинниках.: Рембрандт, Дюрер, Рубенс, Сустерман, Юстус, Остаде, Боуверман, Сальватор Роза, Ян Стэн, Дэвид Тенирс, Клод Лоррен Коро, Карло Дольчи, Карло Маратти и др.²⁴. Особую ценность для музея представляла копия картины Тициана «Вакханалия», за которую бывшей Академией художеств в 1856 г. было выплачено 1500 рублей²⁵.

Однако экспозиции и выставки музея, структура их построения и содержание определялись теперь в строго «классовом подходе к восприятию искусства». Так, в отчете о деятельности музея за 1934 г П.М. Покровский отмечал, что фонд отдела русского искусства состоял из 515 экспонатов, преимущественно «эпохи капитализма». Небольшой отдел «эпохи диктатуры пролетариата» пополнился новыми приобретениями. «Этот отдел музея, - сообщал директор,- имеет некоторые пробелы по разделам: «Идейный реализм мелкобуржуазной интеллигенции 60-х годов» и «Религиозно-национальная акция 80-х годов», в пополнении которых подлинниками из центральных государственных музеев приняты соответствующие меры. Марксистско-ленинская экспозиция произведений искусства эпохи русского капитализма, - далее сообщалось в отчете, - «имеет огромное влияние в воспитании широких кругов трудящихся масс, дает более сознательное глубокое понимание искусства социалистического реализма, возникшего на основе не только глубокого осознания эпохи строящегося социализма, но также на основе критического освоения культурного наследия прошлого»²⁶.

Дальневосточный художественный музей, сложившийся таким образом, насчитывал в отделе искусства национальностей Дальневосточного края до одной тысячи экспонатов, в отделе западноевропейского искусства - 447, в отделе русского искусства - 515 экспонатов, в отделе местных дальневосточных художников 289 номеров, в отделе оружия - 143, в отделе искусства Египта, Греции, Рима - 120. Однако главным содержанием работы музея было не демонстрация шедевров мирового искусства, а «тщательная научная обработка всех экспонатов по принципу марксистско-ленинского искусствознания». Определяя основное идеологическое содержание работы художественного музея, крайком ВКП(б), крайком ВЛКСМ согласовывали и утверждали что в искусстве нужно, а что является «чуждым» и идеологически вредным для посетителей музея. Они контролировали идеологическое содержание экспозиций музея, работу с подшефными организациями - Отдельным Военно-строительным батальоном, одним из военных судов Амурской Краснознаменной флотилии и другими организациями²⁷.

Такие представления стали преобладающими в отношении содержания работы всех музеев. В соответствии с подобными идейно-эстетическими приоритетами выстраивались проводимые в Хабаровске художественные выставки. Первая подобная выставка открылась в 1932 г. и была посвящена 15-летию Советской власти и 10-летию освобождения Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов. В ней участвовали 18 авторов, выставивших 240 картин. Вторая краевая художественная выставка в октябре 1933 г. объединила многих дальневосточных и даже московских художников, которые представили 304 картины. Выставка была передвижной, с ее экспонатами ознакомились жители городов Благовещенска, Владивостока, Хабаровска. Однако многие шедевры мировой классики оставались недоступными посетителю, находились в запасниках, так как являлись «чуждыми пролетариату». Характерно, что лучшей картиной выставки жюри признало произведение московских художников Е.О. Машкевича и И.Я. Хазова «Волочаевский бой», созданное по специальному заказу Далькрайисполкома, – первое монументальное полотно, посвященное гражданской войне на Дальнем Востоке²⁸.

Перелом в работе музеев, произошедший в результате принятых 1-м Всероссийским съездом решений, а также последующих правительственных постановлений не мог не отразиться на экспозиционной и научной деятельности и краеведческих дальневосточных музеев. Содержание их экспозиций почти полностью стало зависеть от «решения задач коммунистического воспитания масс, текущей политики», которые составляли основное содержание экспозиционных залов музеев. В этих целях заместителем Наркома по просвещению РСФСР Н.К. Крупской 11 февраля 1936 г. было утверждено «Типовое положение о местных музеях, краевых (областных) и районных, состоящих на местном бюджете.»²⁹. Положением регламентировалась вся деятельность местных музеев, определены типовые задачи для всех музеев. Музеи, теряя свою специфику были ориентированы на выполнение предусмотренных положением политико-просветительских задач.

Местные партийные органы и властные структуры контролировали решения съезда и указания Наркомпроса. В частности, для Владивостокского музея НИИ краеведения был разработан типовой план построения отдела социалистического строительства. Крайно давал установки, как отражать содержание партийных решений, показывать достижения социализма во всех областях народного хозяйства и культуры, иллюстрировать факты обострения классовой борьбы по мере роста социалистического наступления по всему фронту и т.д. В 1931 г. была начата полная переэкспозиция Владивостокского государственного областного музея. Стали организовываться новые выставки, «отвечающие

требованиям момента», такие как «Революция 1905 г.», «Посевная кампания», «Путина», «Антирелигиозная» и др.³⁰

Дальневосточные музеи в процессе реорганизации экспозиционной и научной деятельности, с индивидуальным характером деятельности, имеющие собственную структуру, свойственную только им, находящиеся в определенной природной, исторической, национальной среде, со своими сложившимися традициями и научным потенциалом, были приведены к одному «типовому положению». Музей стал характеризоваться «научно-исследовательским и политико-просветительным учреждением, дающим показ в вещах, документах и художественных отображениях исторического процесса развития природы и человеческого общества»³¹. Предложенная структура состояла из трех экспозиционных отделов: природы, истории и социалистического строительства и полностью исключала весь богатейший набор научных подразделений, которыми располагали музеи ранее.

Изменение структуры научных отделов и построение совершенно новых экспозиций, привели к переориентировке всей научной и экспозиционной концепции Хабаровского краеведческого музея. Новые направления в экспозиционной работе не принимались старыми научными сотрудниками музея. Так, между ведущими научными сотрудниками музея и специалистами Дальнего Востока, проводившими заседания ученого совета в начале 30-х гг., не были найдены решения по вопросу построения структуры научных отделов музея и его экспозиций³². Соратники В.К. Арсеньева С.Я. Сизых, А.И. Кардаков и Н.А. Толпегина категорически выступили против основных установок музейного съезда, связанных с реструктурированием научных отделов. Однако отдел народного образования крайисполкома настоятельно предписывал музею положить в основу построения экспозиций экономико-политический принцип с раскрытием всех видов хозяйственной деятельности края, его политических событий. Естественно-исторические отделы предлагалось ликвидировать как самостоятельные единицы и распределить по отделам экономики. Такой «синтетический» метод расположения музейных коллекций и экспозиционных залов

полностью исключал концепцию естественно-исторической, научно-познавательной экспозиции музея. С подобной реструктуризацией не соглашались ученый секретарь музея С.Я. Сизых и ряд других научных сотрудников музея. Противодействуя ликвидации сложившихся десятилетиями естественно-исторических отделов, С.Я. Сизых на расширенном заседании ученого совета с приглашением представителей крайоно, крайкома ВКП(б) предложил новый, более усовершенствованный с научной точки зрения, план реорганизации музея³³. Он предлагал соединить научно-историческую часть существующей экспозиции с экономико-политической концепцией, и включить в экспозицию отделы: вводный, поверхность и недра, животный мир, древние культуры Дальневосточного края и др. В таком построении, считал С.Я. Сизых, экспозиция наиболее полно отражала бы экономические аспекты исследуемого края, его древнейшую историю с второстепенным показом политических событий. Однако выполнить принятые решения ученого совета музеем не пришлось. Сложные экономические, технические условия, частая смена директоров музея, последовавшие репрессии не позволили реализовать намеченную в таком виде реорганизацию экспозиций.

Именно в это время на страницах газеты «Тихоокеанская звезда», органа Дальневосточного краевого комитета ВКП(б), крайисполкома и крайсовпрофа, появляются редакторские колонки и статьи, призывающие дальневосточные музеи «порвать со старыми методами работы, выйти на путь активной помощи социалистическому строительству путем привлечения широчайших рабочих и колхозных масс к делу изучения края, его природных богатств и социально-экономических возможностей»³⁴. Таким образом, партийные, советские и профсоюзные органы через газету давали установку всем краеведческим музеям и организациям края на «решительное отмежевание от еще имеющей место... тенденции вести краеведческую работу по пути «чистой науки», пронизывая ее чуждой пролетариату идеологией»³⁵.

К числу «проповедовавших «враждебные теории» в области краеведения был отнесен бывший директор Хабаровского музея, известный исследователь В.К.Арсеньев, скоропостижно скончавшийся во Владивостоке в 1930 г., и ряд других краеведов и музейных работников.

Выражая политику местных партийных и советских органов, средства массовой информации указывали на необходимость музеям «связывать свою работу с плановыми органами, способствовать созданию встречных планов социалистического строительства края, округа, района на основе добытых краеведами сведений о природных ресурсах»³⁶.

Вопреки мнению опытных научных сотрудников, в музее происходила переориентация его экспозиционной и научной работы, заключавшаяся в перестройке всей работы в направлении максимальной связи с производством, демонстрации социалистического строительства, пропаганде техники, агитации за ударные темпы работы, на выполнение и перевыполнение промфинплана. Для этого предлагалось «...совершенно отрешиться от всего содержания и системы музея, как они есть к сегодняшнему дню»³⁷. Это вело к ликвидации целого ряда отделов: археологии, этнографии, геологии и палеонтологии, ботаники, экономики. Взамен предлагалось ввести отделы: вводный, технико-экономический, состоящий из подотделов сельского хозяйства, заводов ДВК, транспорта, леса края и его эксплуатация, золота, рыбы, ископаемых края, стройматериалов. Предлагалось также ввести отдел культуры и быта национальностей, антирелигиозный отдел, отделы политехнизации, промкооперации, культурного строительства, коммунального хозяйства.

Общие требования, предъявляемые, в этой связи, к музейной экспозиции заключались в том, что содержание ее было построено строго на «принципах диалектического материализма». Экспозицию предлагалось построить с большим использованием карт, диаграмм промфинплана, моделями машин, образцов пород, показать ход коллективизации, плановости в колхозах, их механизацию, рост МТС, диаграмм культурного строительства и переустройства городов, снос храмов и прочее³⁸.

Для реализации такой реконструкции экспозиций Хабаровского музея требовались значительные затраты. В связи с этим план реэкспозиции музея предусматривал выделение необходимых для этого средств различным предприятиям и организациям Хабаровска. Плану коренной перестройки экспозиций музея не суждено было осуществиться по различным причинам. Прежде всего, по причине нежелания творческой музейной интеллигенции выполнять абсурдные, с их точки зрения, экспозиции, а также тяжелейшего финансового состояния, как самого музея, так и основных предприятий города.

После ареста ученого секретаря музея С.Я. Сизых, временно исполняющий обязанности директора музея Н.Е. Антонов, на совещании в январе 1933 г. вновь вносил предложения о необходимости перестройки всей экспозиции музея на новых принципах, в тоже время подчеркивал, что проводить реорганизацию усиленными темпами не представляется возможным по материально-финансовым причинам³⁹. Понимая нелепость такой

перестройки экспозиционной работы музея с ликвидацией целых отделов, научные сотрудники продолжали противодействовать этому, что приводило к многочисленным перестановкам в руководстве музеем и последующим репрессиям других сотрудников: А.И.Кардакова, А.И.Зеленского, Н.А.Толпегиной и др.

Период усиления тоталитарного режима в политической, экономической и культурной жизни общества постепенно привел к полному разрушению основного содержания и основополагающей концепции местного музея: сохранение культурного, природного, исторического наследия и передача его посредством подлинных музейных предметов будущим поколениям. Подобная перестройка музейной деятельности надолго превратила дальневосточные музеи в дополнительный инструмент идеологической, агитационной и политической работы партийных структур края.

Особенно негативно такая перестройка сказалась на научных исследованиях и экспедиционной работе. Даже в планы своей работы музеи не могли включить выполняемые ранее научные экспедиции и обработку их результатов. Так, вся работа Владивостокского музея была подчинена задаче перестройки экспозиции, открытия новых отделов и учета фондовых материалов в духе требований и решений 1-го Всероссийского съезда. Многие коллекции (энтомологические, зоологические) старых сборов нуждались в проверке, чистке и реставрации. Научная работа была представлена в форме развертывания новой экспозиции, главным образом, по отделу социалистического строительства и частично отделу природы. Лабораторных работ исследовательского типа, научных докладов, исследовательских экспедиций и командировок, издательской работы в эти годы музей не проводил⁴⁰.

Наиболее ярко выраженный перелом в музейной деятельности, а соответственно в культуре и других областях жизни общества посредством силового, директивного воздействия на сознание масс, стал приводить к изживанию музеев как хранилищ человеческой памяти, превратив их в эффективный, в данный исторический период, инструмент политических манипуляций. Даже отчеты о деятельности музея сводились больше к партийным рапортам с соответствующими лозунгами и призывами. Так, в отчете Хабаровского музея за 1939 год главное содержание научной работы музея было изложено следующим образом: «Коллектив музея стремился к тому, чтобы музейная экспозиция воспитывала советский патриотизм, любовь к родине, к партии и к вождю тов. Сталину, заботами которого Хабаровский край превращен в несокрушимый форпост на Дальнем Востоке. Музей строил свою экспозиционную работу по истории на основе Краткого курса истории ВКП(б), на основе решений XVIII партийного съезда.»⁴¹

Известный ранее в стране Хабаровский краевой музей, как крупный научно-

исследовательский центр на Дальнем Востоке, превратился в заурядный партийно-политический, «прикладной» отдел крайкома ВКП(б). Музей стал использоваться горкомом ВЛКСМ как наглядное пособие при изучении истории ВКП(б), был активным участником в избирательных и других политических кампаниях. В музее организовывались и проводились выставки: по переписи населения, к 21-й годовщине Красной Армии, «Хозяйственное и культурное строительство Хабаровского края» (к 1-й краевой партконференции) и др.

Выполнение указаний музейного съезда, последующих постановлений и решений Наркомпроса, переориентировало содержание научно-исследовательской и экспозиционной работы всех дальневосточных музеев.

На первый план в создаваемых экспозициях были выдвинуты схемы, плакаты, лозунги, цитаты. Язык вещей заменялся языком схем. Музейный предмет отошел на второй план. Требование «выхода в современность» привело к повторам в экспозиции, к навязыванию посетителю того или иного обязательного вывода, отучило его мыслить самостоятельно, критически оценивать получаемую информацию. В таких условиях научные исследования в ведущих дальневосточных музеях стали почти невозможными.

Главным критерием ценности экспозиций дальневосточных музеев стали не ее исторические, художественные, аттрактивные достоинства, а политическое содержание. Выполнялась установка историко-революционной секции первого музейного съезда, которая предлагала музеям с помощью марксистко-ленинской методологии «освещать массам в экспозициях классовую, пролетарскую» сущность революционных событий. Музеям предписывалось «помочь массам понять диалектику развития революционного процесса и усвоить основные методы историко-материалистического познания». Экспозиционная, научная и вся массовая работа музеев должна была «увязываться с острыми вопросами современности, с той классовой борьбой, которую осуществлял пролетариат в СССР»⁴².

От такой перестройки сложившейся десятилетиями научной, творческой деятельности, многие дальневосточные музеи потеряли свою специфику, привлекательность, ранее накопленный музейный материал.

Тем не менее, нельзя не отметить, что вся система культуры в это время имела не только государственную, но и общественную поддержку от Советов и их исполкомов, органов местного самоуправления, общественных организаций, трудовых коллективов. Все музеи и художественные выставки были работали ежедневно и, в большей степени, бесплатно. Причиной тому, полагает исследователь проблемы революции и культуры Л.А.Булавка,

является то, что «социальное творчество масс стало той центростремительной силой, которая связала в некое единство два встречных движения – социалистическую идеологию с ее идеалами и движение революционных масс»⁴³. Но целостность этого единства была недолгой. Дальнейшее развитие сталинского бюрократизма и тоталитаризма стало сворачивать социальное творчество. Потому уже в начале 1930-х гг. массовые общественные и культурные движения, в том числе и краеведческие, переводятся в режим функционирования формальных социальных институтов.

¹ Стал первым и последним «могильщиком» развития музейного дела в России.

² Труды научно-исследовательского института музееведения. М., 1961. Вып. 2. С. 160.

³ Закс А.Б. Всероссийский музейный съезд // Вопросы истории. М. 1980. № 12. С. 164.

⁴ Луппол И.К. Диалектический материализм и музейное строительство. Доклад на 1-м музейном съезде. М., 1931. С. 16

⁵ Бубнов А.С. О музеях. Приветствие и речь на 1-м музейном съезде. М., 1931. С. 28

⁶ Закс А.Б. Всероссийский музейный съезд. // Вопросы истории. М. 1980. № 12. С. 164-167.

⁷ Труды 1-го Всероссийского музейного съезда. Т. 1. М., 1931. С. 133-160.

⁸ Равикович Д.А. Формирование государственной музейной сети. 1917 - 1-я пол. 60гг. Научно-методические рекомендации. М., 1986. С. 91.

⁹ Бюллетень Наркомпроса. 1932. № 9. С. 71.

¹⁰ Бюллетень Наркомпроса. 1933. № 9-10. С. 15-16.

¹¹ Ко всем музейным учреждениям. М., 1931. С. 2

¹² Там же. С. 4

¹³ Там же. С. 5.

¹⁴ Красная газета. Москва. 1930. 27 нояб.

¹⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 530. Л. 17.

¹⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 54 Д. 608. Л. 34

¹⁷ ФДВХМ. Акты от 25.12.1928, от 18.08.1929.

¹⁸ ГАХК. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 11. Л. 9.

¹⁹ ФДВХМ. Акт № 1643 от 6 мая 1931.

²⁰ ФДВХМ. Акт от 27.05.1931.

²¹ ГАХК. Ф. 353. Оп. 3. Д. 127. Л. 4

²² Там же.

²³ ГАХК. Ф. 353. Оп. 3. Д. 127. Л. 5

²⁴ ФДВХМ. Акт № 960 от 26.06.1931. Л. 7.

²⁵ ГАХК. Ф. 353. Оп. 3. Д. 127. Л. 5

²⁶ Там же. Л. 9.

²⁷ Там же. Л. 10, 11.

²⁸ Тихоокеанская звезда. 1933. 30 янв.

²⁹ ФХКМ. Законы, распоряжения, разъяснения по музейному строительству. С. 19 (Сб. приказов и

распоряжений по НКП РСФСР 1936г. №13)

³⁰ Отчет ВГОМ за 1931.

³¹ Советский музей. 1936..№3. С.14

³² ФХКМ. Оп.1. Д.8. Л.1-15.

³³ Там же. Л.35.

³⁴ Тихоокеанская звезда.1931. 1 окт.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ ФХКМ. Оп.1. Д.8. Л.45.

³⁸ Там же. Л.5.

³⁹ Там же. Л.42.

⁴⁰ Там же. Отчет о работе музея за 1938-39 гг.

⁴¹ ФХКМ. Оп.1. Д.3.Л.8.

⁴² Там же Л.10-11

⁴³ Булавка Л.А. Революция, культура и постмодернизм// Свободная мысль. М. 1999. № 3. С.62.